

Игорьская, 13. - 2005. - 1 дек. - с.16

Григория БАКЛАНОВА можно назвать счастливым. Из того военного поколения уцелели немногие, а из двадцати его одноклассников в живых осталось всего трое (двое не воевали). На фронт он ушел добровольцем, был самым юным солдатом в полку и, пройдя с боями Украину, Молдавию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Австрию, закончил войну офицером. Самые известные книги Григория Бакланова выходили в свет миллионными тиражами. Это повести «Южнее главного удара» (1958), «Пядь земли» (1959), «Мертвые сраму не имут» (1961), «Карпухин» (1965), «Навеки - девятнадцатилетние» (1979) и романы «Июль 41 года» (1964), «И тогда приходят мародеры» (1995). Недавно в свет вышли мемуары писателя «Времена не выбирают», где он вспоминает об Ахматовой, Твардовском, Григории Чухрае, Гранине, Гамзатове...

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ

- Принято считать, чтобы набрать в литературе «хороший разбег», нужно рано начинать. По мнению критиков, как писатель Бакланов появился в 1958 году с повестью «Южнее главного удара». Григорий Яковлевич, не поздно ли было начинать в 35 лет?

- В истории вы найдете разные примеры. Художник Павел Федотов впервые взял в руки кисть в 40. Но, как правило, стихи пишут в юности, а прозу в более зрелом возрасте. И с поэтами так случалось: становясь более зрелыми, они обращались к прозе, для которой, конечно, нужен жизненный опыт и определенная биография. Моя первая повесть о войне «Южнее главного удара» художественно еще оставляла желать лучшего, но там была правда, «моя» война. А началом я считаю повесть «Пядь земли», напечатанную в «Новом мире» в 1959 году. Потом ее издали в 36 странах мира, но наша критика обвинила ее в «окопной правде». Почему-то в стране рабочих и крестьян это посчитали чем-то низменным.

Настоящие книги о Первой мировой войне появились лишь спустя 10 лет после ее окончания. Почему? Ремарк, Хемингуэй и другие воевавшие авторы должны были созреть, «взглянуть» не только из самой войны, но еще и со стороны. И правдивые книги о Великой Отечественной войне начали появляться только к концу пятидесятых. Конечно, нужно сделать поправку на сталинское время. О войне требовали писать не о той, которая была, а о той, которая должна была быть. «И на вражьей земле мы врага разобьем / Малой кровью, могучим ударом!» - пели до войны. А немцы дошли до Москвы. В конце сороковых официально восхваляли роман одного автора (не хочу тревожить имя покойного), где утверждалось, что немцы не сами дошли до Москвы, а это

был наш стратегический план: заманить. Вот какую войну хотели видеть.

В послевоенное десятилетие появились только две книги, рассказывающие правду о войне. Журнал «Знамя» в 1947 году напечатал романтическую повесть Эммануила Казакевича «Звезда». Годом раньше там же вышла повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» - поразительная и по таланту, и по правде вещь. А напечатали ее потому, что там было дважды упомянуто имя Сталина, и тот собственноручно вписал имя автора в список лауреатов Сталинской премии. Статьи, когда уже разоблачили культ личности, Некрасову предложили при очередном переиздании повести вычеркнуть эти упоминания. Писатель отказался.

- Ваша документальная проза сильно отличается от художественной?

- Вы серьезно думаете, что в художественном произведении писатель может что-либо описать из того, чего на самом деле не было? Нет. Без фантазии, конечно, проза невозможна, но и без документальной основы ничего стоящего не выйдет.

- Ветераны сейчас рассказывают о войне истории, сильно отличающиеся от реальных?

- Тут причина другая. Многие из них облечены пропагандой. Вспомните, что рассказывали в 70-е годы «очевидцы» про фронтовые подвиги Брежнева на Малой земле. Стыдно было слушать. Разве такой была война? Но многие сохранили настоящую память о том времени. Я до сих пор получаю письма, где приведены потрясающие факты из военного и послевоенного времени.

- Обстоятельства ранения тоже легли в основу вашего произведения?

- Я это описал в «Навеки - девятнадцатилетние». 11 октября 1943 года мы под Запорожьем выбили немцев из их добротного укрепленного

траншеи, но немцы под прикрытием танков пошли в контратаку. Я сидел с пехотой и по телефону корректировал огонь батареи. Связь прервалась, я послал искать разрыв связиста Абашина. Он пропал. Тогда я сам побежал через поле «по проводу». Разорвался снаряд. В меня - пять осколков. До вечера пролежал в воронке. Помню, рядом горела деревня Янцево. Когда стемнело, нас, раненых, подобрали и погрузили в полуторку. Один стонал особенно жалобно. Кто-то его упрекнул: «Чего ты стонешь? Тебе что, больнее всех?» Он замолчал. Когда нас довели, стонавший оказался мертвым...

- Вы семь с половиной лет возглавляли крупнейший в стране литературный журнал «Знамя». Редакторская нагрузка не мешала писать?

- Я всегда занимался тем, что считал делом своей жизни. Таковыми были война и писательство. В 1986 году мне не хотелось становиться во главе журнала, но иначе поступить было нельзя. И это тоже стало делом моей жизни. Нужно было возвращать народу отнятую у него культуру. Тогда у нас был гигантский запас, которого нет у теперешних журналов, - ненапечатанная литература русского зарубежья и советского периода.

Когда журнал «Знамя» крепко встал на ноги, я ушел заниматься своим делом. Редакторская работа, конечно, мешала - свое я мог писать только с семи утра до одиннадцати, а весь день отдавал журналу.

- Вам не обидно, что сегодня на книжном рынке серьезная литература затерта детективами? Могут ли писатели или их издатели изыскать некие рычаги, чтобы изменить ситуацию в свою пользу?

- Детективная литература всегда была более массовой, чем серьезная проза. Чарская имела тиражи куда большие, чем Лев Толстой. Но издатели XIX века придерживались несколько иной политики. Они, к примеру, не стали бы бесконтрольно издавать всякий

хлам. Вот недавно одно московское издательство объявило, что будет печатать открытый «трэш», разыскивая по чердакам и чуланам дешевку 30-годов. Современный человек читает немного. Так теперь еще серьезную литературу умышленно вытесняют огульным чтением. Тут рычаг перо должен быть один - государство. Если оно заботится о том, чтобы его граждане росли не только технически грамотными и у них не только одна половина мозга была развита, то уже давно пора принимать меры. В отчете книжной ярмарки прошлого года сказано: чтобы безубыточно издать том Пушкина, надо сначала напечатать шесть детективов. Куда же дальше-то ехать?!

- Однажды в молодости вы сказали: «Если писатель всерьез думает о своем деле, он неминуемо видит, что мир несовершенен... Наша задача - стараться что-то изменить в нем к лучшему». Разменяв уже девятый десяток, вы по-прежнему хотите изменить мир?

- Сейчас я так не думаю. Сравнивая мир, в который я

вступил, с тем, из которого скоро уйду, я с сожалением вижу, что он не стал лучше. Да и добрее люди не стали. Таких зверских войн, как Вторая мировая, такого этнического и религиозного противостояния, как сейчас, - мир еще не знал. Литература, как составляющая культуры, - это та часть духовной жизни человека, вне которой он перестает быть

человеком. Но культура в жизни людей стала занимать меньше места, чем, скажем, в двадцатые годы прошлого века.

Корни многих проблем России уходят еще в царские времена. В нашей стране никогда не ценился человек: просторы большие - русские бабы еще нарожают. С этим и в войну воевали. Поэтому и потери наши были чудовищны - под тридцать миллионов человек. А за последние 15 лет сколько светлых умов уехали за границу, где теперь создают богатство для других стран и народов? Подсчитать невозможно. И оказывается, что самое ценное - не нефть и не газ, а человеческий талант. Когда страна начнет ценить своих людей и их таланты, тогда она будет и богатой, и сильной.

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ
Фото Сергея ТИТОВА

